

## Сталинократія

Вотъ уже истекаетъ второй годъ со времени XVII съѣзда коммунистической партіи, начавшаго новую полосу русской революціи. У нея еще нѣтъ имени, у этой полосы, четвертой по счету: военный коммунизмъ, Нэпъ, пятилѣтка..., но ея черты уже отчетливо прорисовались, даже сквозь туманъ, окутывающій для насъ Россію. За два года много накопилось фактовъ, наблюденій, разсказовъ иностранцевъ и бѣглецовъ, газетныхъ вырѣзокъ. Не пора ли подвести итоги? Пусть голоса, идущіе изъ Россіи, противорѣчивы. Нельзя ли разрѣшить въ нѣкоторую гармонию эти диссонансы? Конечно, новая жизнь въ Россіи еще не отстоялась. Каждый день приноситъ новыя измѣненія ея лица. Но можно попытаться угадать общее направление движенія. Или, иначе, найти схему, въ которой противорѣчивыя явленія уложились бы безъ слишкомъ большого насилія надъ фактами. Большаго отсюда сдѣлать мы не можемъ. Но не сдѣлать этого не можемъ тоже. Чтобы жить, и жить Россіей, мы должны ставить ориентирующія вѣхи, съ полной готовностью смѣнить ихъ, какъ только жизнь измѣнитъ свое русло. А въ Россіи исторія особенно любитъ зигзаги... Но съ всѣми этими оговорками, нужно рѣшиться — на новый моментальный снимокъ Россіи — къ 1 января 1936 года.

Общее впечатлѣніе: ледъ тронулся. Огромныя глыбы, давившія Россію семнадцать лѣтъ своею тяжестью, подтаяли и рушатся одна за другой. Это настоящая контръ-революція, проводимая сверху. Такъ какъ она не затрагиваетъ основъ ни политическаго, ни соціального строя, то ее можно назвать бытовой контръ-революціей. Бытовой и вмѣстѣ съ тѣмъ духовной, идеологической. Не будемъ думать, что это ограниченіе лишаетъ сталинскую контръ-революцію ея значительности. Весь ужасъ коммунистическаго рабства заключался въ его «тоталитарности». Насиліе надъ душой и бытомъ человѣка, творившееся въ его семьѣ, въ его углу — было мучительнѣе всякой нищеты и политическаго безправія. Право безпартійнаго дышать и говорить, не клянясь Марксомъ, право юношей на любовь, и дѣвушекъ на семью, право родителей на дѣтей и на приличную школу, право всѣхъ на «веселую жизнь», на елку

и на какой-то минимумъ обряда — стараго обряда, украшающаго жизнь — означаетъ для Россіи возстаніе изъ мертвыхъ.

Но это лишь одна сторона картины. Другая, обратная сторона: не прекращающіяся казни, каторжные лагеря, поѣзда со ссыльными въ далекую Сибирь на безчеловѣчныя работы, на смерть. И попржнему густая, непроницаемая пелена жи, окутывающая страну, подхалимство и предѣтельство, униженное ползаніе у ногъ самодержца. Молодому человѣку изъ эмиграціи, собирающемуся ѣхать въ Россію, слѣдуетъ ясно представить себѣ и эту обратную сторону. А намъ — попытаться найти нѣкоторое подобіе единства стили. Въ настоящей статьѣ мы ограничиваемъ свою задачу сферой политики. Революція есть прежде всего политическій фактъ, и ея развитіе обнаруживаетъ политическую закономерность.



«Великихъ» революцій не такъ много въ новой исторіи. Въ сущности, Русская революція стоитъ третьей въ ряду — послѣ Англии и Франціи. Опытъ новаго времени можно дополнить исторіей классовой борьбы античныхъ и средневѣковыхъ республикъ. Если можно вывести изъ этого опыта прошлаго какой-либо «законъ» или закономерность, то это слѣдующее наблюденіе: всякая «великая», т. е. отличающаяся жестокостію классовой борьбы, революція заканчивается личной тираніей. Иногда этотъ «цезаризмъ» оказывается преходящимъ (Англія, Аѳины), иногда переходитъ въ вѣковую монархію. Итальянскія тираніи Ренессанса существовали до Гарибальди. Наслѣдство Гракховъ и Цезаря досталось Византійскому самодержавію, жившему болѣе тысячелѣтій и вдохнувшему новую жизнь въ самодержавіе московское. Что русская революція завершилась своимъ Сталинымъ, это кажется историку въ порядкѣ вещей. «Эволюція революціи» въ сторону политической демократіи была бы настоящимъ чудомъ. Но какъ же слѣпы и тѣ анти-эволюціонисты, которые не хотятъ видѣть въ Россіи монархическаго передожденія республики!

Революція въ Россіи умерла. Троцкій надѣлалъ много ошибокъ, но въ одномъ онъ былъ правъ. Онъ понялъ, что его личное паденіе было русскимъ «термидоромъ». Режимъ который сейчасъ установился въ Россіи, это уже не термидоріанскій режимъ. Это режимъ Бонапарта. Термидоріанскій, т. е. контр-революціонный характеръ завоеванія власти Сталинымъ, былъ затушеванъ въ эпоху пятилѣтки. Убравъ своихъ лѣвыхъ враговъ, Сталинъ принялся вдругъ осуществлять ихъ программу.

Такъ получился «зигзагъ», или излучина въ теченіи русской революціи, между Нэпомъ и теперешней контръ-революціей, — излучина, которая имѣетъ громадное значеніе для всего русскаго будущаго. Пятилѣтка сдѣлала невозможной буржуазную реставрацію и предопредѣлила государственно-капиталистическій характеръ будущей Россіи. Но, втягиваясь въ нее, вопреки своимъ старымъ идеямъ, Сталинъ едва ли повиновался «лѣтовому» революціонному чутью. Вѣрнѣе всего, военно-индустриальныя задачи, въ связи съ укрѣпленіемъ лично-деспотическаго режима, и тогда уже господствовали въ его сознаніи. Но термидоръ совершился въ тотъ моментъ, когда къ власти прішеть человекъ, глубоко равнодушный къ мистикѣ марксизма и ибняшій въ революціи превыше всего личную власть.

Еще годъ тому назадъ, характеризуя сталинскій режимъ, можно было называть его національ-соціалистическимъ. Казалось, съ отказомъ отъ международно-революціонныхъ задачъ, онъ становится неотличимымъ отъ фашизма, особенно германскаго. Но нѣтъ, въ своемъ попятномъ движеніи, онъ давно уже оставилъ за собой фашизмъ. Для фашизма необходимы три элемента: вождь, правящій активный отборъ и революціонная взволнованность массъ. Въ Россіи не только давно уже массы вернулись въ состояніе политической пассивности. Въ Россіи, теперь уже можно сказать, нѣтъ и партіи, какъ организациіи активнаго меньшинства, имѣющей свою волю, свои традиции. Муссолини и Гитлеръ (какъ и Ленинъ) должны постоянно дрессировать, воспитывать и вдохновлять ряды своихъ бойцовъ. Эта обязанность принадлежитъ къ нелегкому политическому искусству фашистскаго вождя. Сталину давно уже удалось убить всякую политическую активность своей партіи. Годами, исповоль, на посту Генеральнаго Секретаря, онъ развращалъ ее, пріучая къ рабству и безыдейной службѣ. Теперь эта задача окончена. Организациія ВКП уже не партія, т. е. не группа политическихъ активистовъ. Ея программа, ея прошлое уже не вѣсятъ ничего на политическихъ вѣсахъ.

Еще большинство эмиграціи повторяетъ: въ Россіи царствуютъ коммунисты или большевики; еще мечтаютъ объ избавленіи Россіи отъ этихъ большевиковъ, не замѣчая того, что большевиковъ уже нѣтъ, что не «они» правятъ Россіей. Не о н и, а о н ѣ. А если «они», возглавляемые «имъ», то совершенно не коммунисты, а новые люди, къ которымъ нужно приглядѣться.

Это утвержденіе, вѣроятно, покажется весьма спорнымъ. Происходящая въ Россіи ликвидація коммунизма окутана за-

шитимъ покровомъ лжи. Марксистская символика революціи еще не упразднена, и это мѣшаетъ правильно видѣть факты.

А факты вотъ они. Начиная съ убійства Кирова (1 декабря 1934 г.) въ Россіи не прекращаются аресты, ссылки, а то и разстрѣлы членовъ коммунистической партіи. Правда, происходитъ это подъ флагомъ борьбы съ остатками троцкистовъ, зиновьевцевъ и другихъ группъ лѣвой оппозиціи. Но врядъ ли кого-нибудь обмануть эти официально «пришиваемые» ярлыки. Доказательства «троцкизма» обыкновенно шиты бѣлыми нитками. Вглядываясь въ нихъ, видимъ, что подъ троцкизмомъ понимается вообще революціонный, классовый или интернациональный социализмъ. То-есть марксизмъ, какъ таковой; если угодно, ленинизмъ классическаго русскаго типа. Въ существованіе «зиновьевской» оппозиціи въ Россіи трудно повѣрить. Если бы анти-коммунистическій терроръ былъ лишь выраженіемъ торжества правыхъ тенденцій въ партіи, то мы видѣли бы возвращеніе къ власти правыхъ уклонистовъ. Но ни Рыковъ, ни Бухаринъ, ни Томскій влияніемъ не пользуются. У власти остаются личные приверженцы Сталина, продѣлавшіе съ нимъ не одну смѣну вѣхъ: справа надѣво и обратно.

Казалось бы, въ обществѣ «Старыхъ большевиковъ» нѣтъ мѣста троцкистамъ, по самому опредѣленію. Троцкій — старый меньшевикъ, лишь въ октябрьскую революцію вошедшій въ партію Ленина: роспускъ этой безвластной, но вліятельной организациі, показываетъ, что ударъ наноситъ Сталинъ именно традиціи Ленина: тѣмъ коснымъ революціонерамъ, которые не хотятъ понять знаменій новаго времени.

Борьба съ марксизмомъ ведется не только по организаціонно-политической линіи. Она сказывается во всей культурно-политикѣ. Въ школахъ отмѣняется или сводится на нѣтъ поллитграмота. Взамѣнъ марксистскаго общественнѣдѣнія, восстанавливается исторія. Въ трактовкѣ исторіи или литературы объявлена борьба экономическимъ схемамъ, сводившимъ на нѣтъ культурное своеобразие явленій. Споры нѣтъ, совѣтскіе популяризаторы довели марксистскій «методъ» до Геркулесовыхъ столбовъ глупости. Но, вѣдь, за нимъ стоятъ авторитеты Ленина, Плеханова, Каутскаго. По такимъ же трафаретамъ учились старые марксисты, — доводившіе Маркса до абсурда. Издѣвательство надъ марксистскимъ методомъ сдѣлалось прямо при знакомъ хорошаго тона въ совѣтской прессѣ. А послушайте самого вождя, когда онъ разговариваетъ съ представителями народа. Вотъ онъ разспрашиваетъ образцоваго колхозника о причинахъ его устѣховъ. Съ неудовольствіемъ обрываетъ набив-

шія оскомину разсужденія о контръ-революціонной природѣ отсталыхъ колхозовъ. «Бывшіе помѣщики, кулаки? — Это неважно». Какова производительность? Вотъ что важно. Низовые работники еще не приспособились къ новому языку; давно ли она зубрили классовыя шпаргалки. Но теперь ими никому уже не удастся блеснуть передъ «самимъ». Дашь производительность! Все прочее — чепуха.

Такова, конечно, одна изъ возможныхъ интерпретацій. Но намъ она представляется самой вѣроятной. Сталинъ и вся его группа никогда, быть можетъ, не была настоящими марксистами. Читалъ ли Сталинъ Маркса, въ высшей степени сомнительно. Вообще же онъ учился социализму по Ленину; и въ Ленинѣ цѣнили, конечно, прежде всего гибкаго политика и стратега, а не метафизическаго оракула. Самъ онъ никогда не раскрывалъ рта въ доктринальныхъ дискуссіяхъ, раздиравшихъ партію. Практическое дѣло одно его интересовало въ революціи. Такова и вся его группа. За немногими исключеніями, полу-интеллигенты, люди, выбившіеся изъ самыхъ низовъ, не ломавшіе себѣ голову надъ книгой, но умѣлые экспроприаторы, убійцы, техники революціи — апослѣдствіи чекисты, офицеры гражданской войны и секретари, подобранные Сталинымъ. Конечно, они не могли не вѣрить марксистской догмѣ: хотя бы по тупости мысли и по необходимости имѣть какой-то отчетливый фонъ сознанія — для концентраціи дѣйствія. Но годы, десятилѣтія борьбы, знакомство съ самыми сложными вопросами жизни должны были воспитать въ этихъ практикахъ по природѣ изрядную долю презрѣнія ко всякаго рода теоріямъ. Если бы теоріи были столь важны для дѣйствія, то, конечно, имъ никогда бы не сидѣть въ Кремлѣ; первое мѣсто принадлежало бы пророкамъ подполья: всѣмъ этимъ Троцкимъ, Каменевымъ, Бухаринымъ. Въ порядкѣ теоріи любой профессоръ Коммунистической Академіи забудетъ Сталина. Но Сталинъ платитъ ему презрѣніемъ и радъ, что можетъ, наконецъ, открыто высказать это презрѣніе. Вѣдь онъ тридцать лѣтъ дождался этого случая.

Какъ бы низко ни оцѣнивать культурный уровень Сталина, за годы власти — за 10 лѣтъ — онъ долженъ былъ многому научиться. И научился онъ тому, что въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ жизни: въ хозяйствѣ, въ международной политикѣ — прямойнейшее слѣдованіе марксистскимъ схемамъ всегда приводило къ пораженіямъ: въ Китаѣ, въ Германіи, въ строительствѣ пятилѣтки. Всѣ побѣды Ленина достигались от-

ступленіємъ отъ этихъ схемъ. Сталинъ не могъ не сдѣлать изъ этого соответствующихъ выводовъ.

Тѣ, кто хотятъ видѣть въ сталинскихъ отступленіяхъ отъ марксизма тактической маневръ и признають, вопреки очевидности, неистребимость марксистской вѣры въ большевистской партіи, постулируютъ нѣкоторое чудо. Они рисуютъ не людей, а сверхчеловѣковъ, героевъ или демоновъ, абсолютно чуждыхъ человѣческимъ слабостямъ и страстямъ, не поддающихся никакимъ вліяніямъ жизни и представляющихъ собой чистый сгустокъ неразлагающейся доктрины. Словомъ, они легковѣрно принимаютъ за дѣйствительность созданный большевиками мифъ о самихъ себѣ. На самомъ дѣлѣ, сохраненіе большевистской партіи и ея доктрины хотя бы въ теченіе пятнадцати лѣтъ послѣ побѣды, — и то представляетъ явленіе, небывалое въ исторіи: яковинцы разложились въ три-четыре года. Но, отдавая должное организаторскимъ способностямъ Ленина, слѣдуетъ признать, что пятнадцать-семнадцать лѣтъ для ея разложенія срокъ болѣе, чѣмъ достаточный. Сталинъ съ 1925 года работаетъ надъ размальваниемъ ленинскаго гранита. Къ 1935 году онъ можетъ считать свою задачу оконченной.

Было бы чрезвычайно интересно установить, что отъ старой социалистической вѣры сохранилось въ сознаніи Сталина и его сподвижниковъ. Къ сожалѣнію, русскій диктаторъ принадлежитъ къ числу молчаливыхъ и лукавыхъ. Когда онъ беретъ слово, то, конечно, не для откровенныхъ изліяній. Думается все же, что представлять его абсолютнымъ циникомъ нѣтъ оснований. Да и въ современной Россіи, танцующей подъ дудку, повторяющей на тысячу ладовъ его директивы, остается нѣкоторый устойчивый комплексъ, неприкосновенный для критики. Этотъ комплексъ чаще всего называется социализмомъ или социалистической культурой. Но что теперь въ Россіи понимаютъ подъ социализмомъ?

Когда-то Ленинъ далъ свое знаменитое опредѣленіе: «Социализмъ — это совѣтская власть плюсъ электрофикация». Ленинъ не претендовалъ, конечно, на точность и полноту. Но въ своемъ парадоксѣ онъ нечаянно выразилъ нѣчто очень существенное для духа большевизма и его эволюціи. Въ этомъ опредѣленіи замѣчательнѣе всего полное отсутствіе социальныхъ и этическихъ моментовъ, т. е. того, что составляетъ самую природу социализма. Не равенство, не уничтоженіе классовъ, не рабочее или пролетарское общество... Но власть и техника. Власть совѣтовъ уже была для Ленина псевдонимомъ диктатуры его партіи. Пока власть принадлежитъ компартіи, социа-

лизмъ строится — если еще не построенъ. Для окончательнаго построения достаточно «электрофикации», т. е. индустриализации страны. Сталинъ цѣликомъ воспринялъ эту формулу — съ тѣмъ различіемъ отъ Ленина, что за ней для него нѣтъ ничего подразумеваемого (соціального), что, конечно, связывало Ленина съ основоположниками социализма. Эгалитарныя тенденции социализма, подъ кличкой «уравниловки» разрушались имъ сознательно. Съ политической частью формулы произошло дальнѣйшее суженіе, въ порядкѣ послѣдовательныхъ уравнений, типичныхъ для диктатуры: пролетаріатъ—компартія—Политбюро—Генеральный Секретарь. Сталинъ можетъ сказать совершенно спокойно: социализмъ — это я. Пока я у власти, страна идетъ къ социализму. Индустриализация Россіи остается единственнымъ напоминаніемъ о марксистской идеѣ развитія производительныхъ силъ.

Сліяніе абсолютной власти съ индустриализацией означаетъ государственное хозяйство. Чѣмъ выше хозяйственная мощь государства, тѣмъ больше въ странѣ социализма. Такъ смотрятъ на дѣло въ Россіи, и, вѣроятно, тамъ были бы очень удивлены, если бы мы потребовали для социализма другихъ опредѣленій. Отъ классово-пролетарскаго или коммунистически-эгалитарнаго характера социализма въ сталинской Россіи не остается ничего.

Можно было бы спросить себя, почему, если марксизмъ въ Россіи приказалъ долго жить, не уберутъ со сцены его полинявшихъ декораций. Почему на каждомъ шагѣ, измѣняя ему и даже издѣваясь надъ нимъ, ханжески бормочутъ старыя формулы? — Но всякая власть нуждается въ извѣстной идеологии. Власть деспотическая, тоталитарная больше всякой иной. Но создать заново идеологию, соответствующую новому строю, задача, очевидно, непосильная для нынѣшнихъ правителей Россіи. Марксизмъ для нихъ вещь слишкомъ мудреная, въ сущности почти неизвѣстная. Но открытая критика его представляется вредной, ибо она подрывала бы авторитетъ Ленина и партіи, съ именемъ котораго неразрывно связана октябрьская революція. Отречься отъ своей собственной революціонной генеалогіи — было бы безразсудно. Французская республика 150 лѣтъ пишетъ на стѣнахъ: «Свобода, равенство и братство», не смотря на очевидное противорѣчіе двухъ послѣднихъ дозволговъ самымъ основамъ ея существованія. Сталинъ не первый изъ марксистовъ, предпочитающій «ревізію» Маркса прямой борьбѣ съ нимъ.

Сложнѣе вопросъ о партіи: почему не ликвидирована пар-

тія вмѣстѣ съ ликвидациею основъ ея міросозерцанія? Каковъ смыслъ коммунистической партіи, очищенной отъ коммунизма? Но эта тема ставитъ передъ нами вопросъ о характерѣ единодержавія Сталина.

Парадоксъ личнаго режима Сталина заключается въ полной безличности диктатора. Сталинъ, объявленный «великимъ и гениальнымъ» вождемъ революціи, не оказалъ ей никакихъ существенныхъ услугъ. Второстепенная фигура исполнителя, онъ исчезаль въ сіяніи настоящихъ вождей — въ періодъ борьбы и побѣдъ. Къ власти онъ пришель черезъ партійную демократію, какъ *servus servorum*, секретарь секретарей. Его власть — власть партійнаго аппарата диктатуры. Ни идеи ни личныя дарованія здѣсь ни при чемъ. Но тогда, какъ можетъ Сталинъ подрубить опору партіи, съ которой онъ пришель къ власти?

Разгадка заключается, вѣроятно, въ томъ, что Сталинъ почувствовалъ узость и шаткость партійнаго помоста для своего трона — въ эпоху вбыви революціонной волны. Вѣроятно, онъ видитъ, что партія далеко не пользуется популярностью въ странѣ. Если безпартійныя массы ненавидятъ коммунистовъ, то Сталинъ хочеть отвести отъ себя эту ненависть. Онъ хочеть быть не вождемъ партіи (какимъ былъ Ленинъ), а вождемъ страны. Для этого онъ изобрѣтаеть психологически очень удачную категорію: «безпартійные большевики». Сюда относятся всѣ совѣтскіе активисты, всѣ лойяльные и усердствующіе граждәне. Сталинъ хочеть быть ихъ вождемъ. Вождь — это, вѣроятно, слишкомъ мало подходящее слово для контрь-революціонной эпохи. Сталинъ не ведетъ, а властвуетъ. Онъ единственное воплощеніе политической воли въ странѣ. Его отношеніе къ народу болѣе напоминаетъ самодержавнаго деспота, играющаго въ патріархальность, чѣмъ политическаго вождя. Иные жесты его кажутся прямо скопированными съ Николая I. Сталинъ, бесѣдующій съ дѣвочкой во время демонстраціи на Красной площади, поразительно напоминаетъ Николая Павловича въ кадетскомъ корпусѣ; колхозницы, плачущія отъ восторга послѣ посѣщенія самого Сталина въ Кремль, повторяютъ мотивъ крестьянскаго обожанія царя. Сталинъ и есть «красный царь», какимъ не былъ Ленинъ. Его режимъ вполне заслуживаеть названіе монархіи, хотя бы эта монархія не была наследственной и не нашла еще себѣ подходящаго титула.

Отсутствие титуловъ возмѣщается личной лестью, возведенной въ государственную систему Нѣтъ эпитетовъ слишкомъ торжественныхъ и величественныхъ для Сталина, одного изъ



самыхъ сѣрыхъ и ординарныхъ людей, выдвинутыхъ ленинской партией. Что этотъ энмиамъ воскуряется по прямому требованію диктатора, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Вопросъ лишь въ томъ, какая доля государственныхъ соображеній руководить этимъ новымъ культомъ, и что слѣдуетъ отнести на долю личного опьяненія или одуренія властью. Когда Сталинъ допускается — а въ Россіи это значить требуетъ, — чтобы писатели называли его первымъ стилистомъ, а ученые величайшимъ философомъ міра, — дѣлается страшно за его бѣдную голову. Кажется, что человекъ ходитъ на грани безумія. Но здравый смыслъ, проявляемый имъ во многихъ жизненныхъ вопросахъ, подсказываетъ другое объясненіе: это не безуміе, а поразительно низкій уровень культуры, который дѣлаетъ этого дикаря совершенно беззащитнымъ передъ винными парами своего всемогущества. Сталинъ лишентъ чувства смѣшного. Но онъ понимаетъ, что, сворачивая съ ленинской дороги, его власть нуждается въ новой, личной санкціи. Сталинъ долженъ быть величайшимъ гениемъ, чтобы имѣть право не считаться съ догматами Маркса и завѣтами Ленина.

Отъ власти — къ управленію. Каковъ тотъ аппаратъ, съ помощью котораго Сталинъ править Россіей? Этотъ аппаратъ чрезвычайно тяжелъ и громоздокъ, лишентъ единства и представляетъ собой нагроможденіе органовъ диктатуры. Съ тѣхъ поръ, какъ партія утратила свое независимое идейное содержаніе, можно говорить объ утробеніи государственнаго аппарата: совѣтское управленіе, партійные органы, его дублирующие, бывшее ППУ. Несмотря на формальное включеніе ППУ, подъ именемъ Ком. Ви. Дѣлъ, въ общую систему совѣтскаго управленія, этотъ органъ попрежнему пользуется полной самостоятельностью. Самостоятельность политическаго сыска характерна для всякой деспотической власти. Но двойственность партійнаго и совѣтскаго аппарата является страннымъ пережиткомъ. Вѣроятно, практически почти всѣ коммунисты втянуты на службу въ совѣтскихъ учрежденіяхъ. Но такъ какъ ихъ партійная іерархія не совпадаетъ съ совѣтской, и партійный билетъ даетъ или давалъ до сихъ поръ огромный перевѣсъ рядовому коммунисту надъ беспартійнымъ его начальникомъ, то эта двойственность должна дезорганизовать всю систему управленія. У диктатора должны быть всѣскія основанія для этой растраты административныхъ силъ. Такимъ основаніемъ является личная ему вѣрность партійныхъ секретарей. Коммунисты въ Россіи сейчасъ суть граждане перваго класса, сверхлояльные, принесшіе двойную присягу: общеполитическую — государству, и

лично-вассальную — вождю. Ими диктаторъ распоряжается съ бѣльшей свободой и увѣренностью: можетъ перебрасывать ихъ какъ угодно и упреждать для надзора и контроля чиста государственныхъ учреждений. Но эти функціи партіи снова пересѣкаются съ ГПУ. Административная путаница, очевидно, терпится потому, что власть дорожитъ всякой лишней надстройкой диктатуры. Въ связи съ непрекращающимся правительственнымъ терроромъ, это обстоятельство говоритъ за то, что у власти нѣтъ достаточно широкой соціальной опоры. И это предположеніе оправдывается анализомъ соціальныхъ слоевъ, составляющихъ новое общество въ Россіи эпохи сталинизма. Никогда еще, за все время революціи, власть не была такъ оторвана отъ широкихъ массъ, такъ мало «народна», несмотря на видимость (искусственную) обожанія ея носителя. На кого опирается Сталинъ? На рабочихъ? Но какъ разъ за послѣдній годъ ихъ и безъ того тяжелое положеніе еще ухудшилось. Отмѣна хлѣбныхъ карточекъ означаетъ пониженіе реальной заработной платы. Главная цѣль стахановскаго движенія — увеличить трудовую нагрузку полуголоднаго пролетаріата. Недаромъ рабочіе отвѣчаютъ уже убійствомъ пионеровъ новаго тэйлоризма.

Крестьяне? Могли ли они забыть столь недавно, всего 5 лѣтъ тому назадъ, произведенную Сталинымъ грандіозную революцію — или контръ-революцію — противъ крестьянства, гибель своей свободы, возстановленіе, подъ именемъ колхозовъ, крѣпостного строя? Есть ли въ деревнѣ семья, которая не имѣла бы среди своихъ близкихъ сосланныхъ, разстрѣленныхъ, умершихъ отъ голода? Милліоны голодныхъ смертей всего два года назадъ отмѣтили успѣхи сталинскаго соціализма по всему югу Россіи. Съ тѣхъ поръ диктатура даровала крестьянамъ дворовые участки, на которыхъ они, неся крѣпостную и не ограниченную временемъ барщину въ пользу государства-помѣщика, могли бы съ грѣхомъ пополамъ кормиться. Огородъ, корова, свинья — могли ли примирить крестьянина съ колхознымъ рабствомъ? Сомнѣваюсь. Можетъ-быть, этой подлечкой Сталинъ предотвратилъ взрывъ и непосредственную угрозу мужицкаго возстанія. Но едва ли приобрѣлъ популярность. Скорѣе слѣдуетъ предполагать глухую ненависть къ нему со стороны какъ разъ трудящихся классовъ. — Тѣхъ, что сдѣлали октябрьскую революцію. Въ этомъ, соціально, смыслъ октябрьская революція продѣлала полный кругъ. Начавшись съ возстанія рабоче-крестьянской Россіи, она закончилась ея полнымъ порабощеніемъ. Народъ въ сталинской Россіи является не субъектомъ,

а объектомъ власти, фундаментомъ новой государственной пирамиды.

На кого же, въ социальномъ смыслѣ, опирается власть? Въ годы пятилѣтки на это можно было отвѣтить такъ: на молодежь, на все, что было въ Россіи юнаго, наивно-жизнерадостнаго, героическаго, сохранившаго вѣру въ социальное знамя. Именно молодежь, отрываемая безошадно отъ «учебы», перебрасывалась тысячами на «узкія» мѣста строительства на заводахъ и въ деревню, чтобы грудью перерѣзать колючую проволоку, заполнять своими трупами рвы — и въ то же время подгонять отсталыхъ, пассивныхъ, выполнять роль добровольныхъ палачей своего народа. Эта молодежь мечтала построить на землѣ социалистической рай. Глубоко было ее разочарованіе къ исходу пятилѣтки, несмотря на цифры техническихъ достиженій. Въ результатѣ стройки Россія оказалась обнищавшей и разоренной. А непосредственные результаты были такъ далеки отъ фантастическихъ идеаловъ. Отсюда разрывъ социалистическаго актива со Сталинымъ, — разрывъ, сущностью котораго были вымерять Николаева. Съ тѣхъ поръ Сталинъ не переставая ведетъ борьбу съ этой молодежью, еще вчера ему преданной. Троцкисты, зиновьевцы, лѣваки, добываемые имъ — это все та же молодежь. Увидѣвъ для себя опасность социалистической школы, воспитавшей утопистовъ, Сталинъ хочетъ заставить молодежь учиться по-старинкѣ, вводить дисциплину, экзамены, издѣвается надъ неграмотностью и некультурностью людей, которые вчера считались авангардомъ коммунизма. Но, выбрасывая изъ школы и изъ жизни мечтателей-утопистовъ, Сталинъ широко распахнулъ двери въ жизнь — практикамъ-профессіоналамъ. Всѣ, кто мечтаютъ о личной карьерѣ или увлечены своимъ спеціальнымъ дѣломъ, легко примиряются съ новой фазой инквизитории. Боле того, для нихъ она означаетъ полнѣйшее освобожденіе и отъ принудительной жеривенности и отъ принудительнаго доктринерства.

Но эта группа выводитъ насъ изъ возрастной и моральной категорій молодежи. Специалисты дороже въ работѣ, въ жизни, чѣмъ въ школѣ. Подлинная опора Сталина — это тотъ классъ, который онъ самъ называлъ «знатными» людьми. Это тѣ, кто сдѣлалъ карьеру, кто своимъ талантомъ, энергіей или безсовѣстностью поднялись на гребень революціонной войны. Партийный билетъ и прошлые заслуги значатъ теперь немного; личная годность въ соединеніи съ политической благонадежностью — все. Въ этотъ новый правящій слой входятъ сливки партийцевъ, испытанныхъ своей безпринципностью, чекисты, коман-

диры красной арміи, лучшіе інженеры, техники, ученые и художники страны. Стахановское движеніе ставитъ своею цѣлю вовлечь въ эту новую аристократію верхи рабочей и крестьянской массы, расслонить ее, соблазнить наиболее энергичныхъ и сильныхъ высокими окладами и поставить ихъ на недосягаемую высоту надъ ихъ товарищами. Сталинъ ощупью, инстинктивно повторяетъ ставку Столыпина на сильныхъ. Но такъ какъ не частное, а государственное хозяйство является аренной новой конкуренціи, то Сталинъ создаетъ новый служилый классъ, или классы, надъ тяглымъ народомъ, повторяя еще болѣе отдаленный опытъ Московскаго государства. Жизненный урокъ показалъ ему слабую сторону крѣпостнаго социализма, — отсутствіе личныхъ, эгонистическихъ стимуловъ къ труду. Сталинъ ищетъ социалистическихъ стимуловъ конкуренціи, соответствующихъ буржуазной прибыли. Онъ находитъ ихъ въ чудовишно-дифференцированной скалѣ вознагражденія, въ бытовомъ неравенствѣ, въ личномъ честолюбіи, въ орденахъ и знакахъ отличія, — наконецъ, въ элементахъ новой сословности. Слово «знатные люди» само по себѣ уже цѣлая сословная программа. Но созданіе «знатнаго» сословія не только экономическая необходимость. Въ еще болѣе степени, быть можетъ, это необходимость политическая. Править огромной, сведенной къ ничтожеству человѣческой массой — и притомъ ненавидящей власть — невозможно, не внося классоваго раздѣленія въ эту массу. Извлекая непрерывно всѣ активные и даровитые элементы народа для созданія новой аристократіи, режимъ обезпечиваетъ себѣ добровольную и крѣпкую опору. Деспотическая монархія, даже демократическая по своимъ истокамъ, неизбежно становится классово-образующимъ факторомъ.

Такъ въ эволюціи сталинизма подтверждается опытъ всѣхъ «великихъ» революцій: главный смыслъ ихъ состоитъ въ смѣчѣ правящаго слоя, и образованіе новой аристократіи означаетъ объективное завершеніе революціи.

Въ этой новой аристократіи есть одинъ элементъ, заслуживающій нашего пристальнаго вниманія. Это верхи интеллигенціи, старой и новой, прикормленной и прирученной диктаторомъ. Не одинъ «технократы», организаторы производства введены въ составъ знати. Сюда относятся и лойальные ученые и вѣрные власти писатели. Литература и искусство въ Россіи признаны за политическую силу первой величины. Они проводятъ непосредственныя директивы Сталина не только въ хозяйственныхъ и политическихъ вопросахъ, но и въ созданіи «новаго» сталинскаго человѣка. Высокіе гонорары, цѣлая система го-

сударственного обезпеченія создаютъ въ литературной средѣ бодрое чувство своей привилегированности, своего значенія для страны. Диктаторъ и самъ любитъ появляться въ литературныхъ кружкахъ. Онъ держитъ себя мещаномъ и разрѣшаетъ обращаться къ себѣ за управой и милостью въ случаѣ пензурныхъ притѣсненій. Максимъ Горькій, пользующійся большимъ личнымъ вліяніемъ на Сталина, играетъ роль посредника въ сближеніи диктатора съ литературнымъ міромъ. Результатъ налицо. Сталинъ получилъ въ литературѣ блестящую рекламу — для Запада самое убѣдительное оправданіе своего режима. Онъ можетъ досyta улится неслыханной лестью. И, какъ ни невѣроятны по грубости многія формы этой лести, мы не считаемъ возможнымъ объяснить ихъ цѣликомъ страхомъ и подкупомъ. Вполнѣ допустимо, что Сталинъ приобрѣлъ популярность въ этой средѣ, для которой художественное ремесло — это все, нравственныя основы жизни — ничто. Представляя себѣ новую интеллигенцію по типу старой, народнической и жертвенной, мы ничего не поймемъ въ новой Россіи, созданной революціей. Для новыхъ людей смѣшны такія чувства, какъ жалость, сочувствіе народу, чистота убѣжденій. Но достижения, но трудовой или художественный рекордъ — это то, что замѣняетъ нравственныя основы жизни. Поскольку Сталинъ облегчаетъ имъ творчество, они готовы считать его своимъ вождемъ. Для нихъ — формалистовъ и бытописателей — самая постановка государственныхъ темъ не мѣшаетъ, до поры до времени. Не все ли равно, о чемъ писать? Важно не «что», а «какъ». И вотъ Сталину удается собрать вокругъ своего шаткаго трона верхи русской интеллигенціи. Интеллигенція съ государствомъ, интеллигенція съ властью: такова ситуация, въ Россіи не повторявшаяся съ начала XIX вѣка. Дѣйствительно, новый режимъ въ Россіи многими чертами переноситъ насъ прямо въ XVIII вѣкъ. Та же массивная тяжесть государственной пирамиды; то же строительство культуры на костяхъ народа. Государство, какъ организаторъ культуры. Революціонно-раціоналистическій характеръ этой, проводимой сверху, культуры. Энтузіазмъ и лесть, окружающіе тронъ. «Оды на востестве на престолѣ». Но въ то же время и огромная техническая и научная работа въ полудикой странѣ: географическія экспедиціи, Академія наукъ... Конечно, Сталинъ напоминаетъ скорѣе правителей эпохи бироновщины — палачей изъ тайной канцеляріи, живущихъ традиціей Великаго Петра... Но онъ уже чувствуетъ потребность распѣтвить эту палаческую государственную работу блескомъ Елизаветинскаго или Екатерининскаго двора.

\*\*

Неяснымъ и не однозначнымъ представляется образъ Россіи на исходѣ девятнадцатаго года ея революціи. Она все еще не нашла своего равновѣсія; все въ ней неустойчиво, текуче, больше общаетъ, чѣмъ даетъ. Ея социальный строй сейчасъ почти столь же шатокъ, какъ старый режимъ на исходѣ его жизни. Новое дворянство живетъ военнымъ лагеремъ, окруженное ненавистью подавленного народа. Найдеть ли оно въ себѣ пониманіе и силу совершить его раскрѣпленіе, которое, вѣдь, принципиально совмѣстимо съ социалистической основой государственнаго хозяйства?

Въ Россіи не можетъ установиться надолго власть, которая не была бы признана и принята крестьянствомъ, составляющимъ сейчасъ огромное большинство въ странѣ. Если освобожденіе крестьянства, слишкомъ робко намѣченное Сталинымъ, не завершится ранѣе военнаго нападенія на Россію, она не выдержитъ новой войны.

Столь же туманно духовное будущее Россіи на ея сегодняшнемъ распутьѣ. Куда идетъ она? Къ социалистическому мѣщанству, которое пророчилъ Герценъ для Европы, къ Пошехонью въ 1/6 части свѣта, или къ новому гуманизму, къ новому расцвѣту русской культуры и осуществленію пророческихъ обѣтованій XIX вѣка?

О если бы въ этотъ роковой часъ ея жизни до Россіи могли донестись наши мысли о ней, наши усилія, наши молитвы, а не только вопли ненависти, готовой, въ союзѣ съ ея врагами, нанести ей предательскій — можетъ быть, смертельный — ударъ!

Г. Федотовъ.